И. П. Кулибинъ

МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА.

Е. Александрова (Ек. Альмедингенъ).

Изданіе 5-е.

Цѣна 12 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Н. МОРЕВА.
1905.

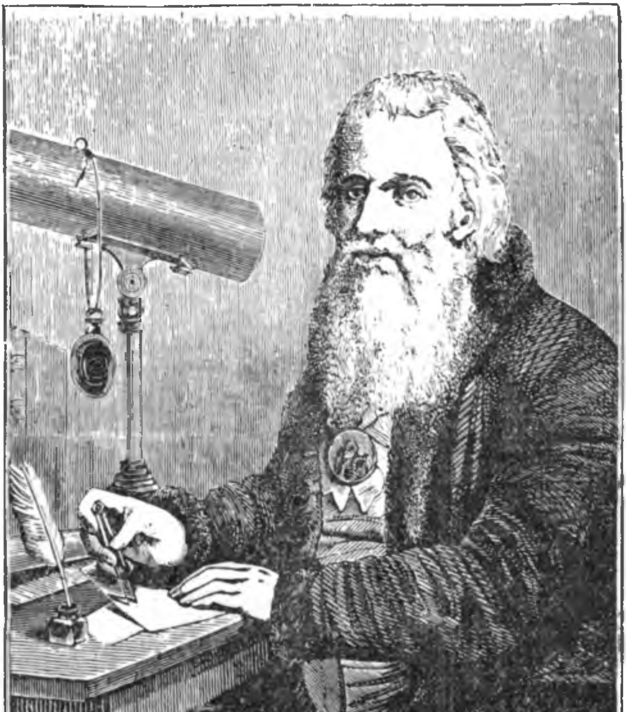
И. П. КУЛИБИНЪ

МЕХАНИКЪ-САМОУЧКА.

Е. Александрова (Ек. Альмедингенъ).

Изданіе 5-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Качурина, СПБ. Екатеринин. кан., 66.
1904.

Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

I.

Былъ базарный день, вслѣдствіе чего Нижній-Новгородъ казался оживленнымъ болѣе обыкновеннаго. На Нижнемъ базарѣ шла самая дѣятельная торговля, купцы наперерывъ зазывали покупателей, выхваляя свои товары. Въ дверяхъ одной мучной лавки стоялъ ея хозяинъ Кулибинъ и отпускалъ покупателя; окончивъ съ нимъ расчетъ, онъ вернулся въ лавку и заглянулъ за высокій рядъ мѣшковъ. Тамъ, въ самомъ углу лабаза, притаившись за мучными мѣшками, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и такъ усердно вырѣзалъ что-то изъ дерева, что не слыхалъ шаговъ отца. Русая, кудрявая головка его низко наклонилась; голубые, умные глаза съ любовью смотрѣли на маленькую деревянную фигурку, которую онъ держалъ въ рукахъ. Ребенокъ

былъ такъ хорошъ, что каждый залюбовался бы имъ, кромѣ отца, который стоялъ въ эту минуту передъ мальчикомъ съ сурово нахмуренными бровями. „Иванъ!“ крикнулъ онъ, наконецъ, гнѣвнымъ, нетерпѣливымъ голосомъ. Ребенокъ вздрогнулъ и быстро вскочилъ съ мѣста; на его оживленномъ, умномъ личикѣ вспыхнулъ яркій румянецъ; работа его и складной ножъ со стукомъ полетѣли на полъ. Сконфуженный и робкій, стоялъ онъ, низко опустивъ голову, не смѣя поднять глазъ на разсерженнаго отца.

— Что ты опять тутъ дѣлаешь, негодяй? Такъ-то ты помогаешь отцу? кричалъ Кулибинъ.

— Виноватъ, батюшка! едва слышно шепталъ мальчикъ.

— Который разъ слышу я твое „виноватъ!“ А? Пошелъ вонъ изъ лавки и не смѣй мнѣ сегодня показываться на глаза!

Ребенокъ дрожащими руками началъ собирать свою работу, но отецъ яростно затопалъ на него ногами.

— Брось все, бездѣльникъ! кричалъ онъ.

Мальчикъ, едва сдерживая слезы, выбѣжалъ вонъ изъ лавки, и пока шелъ домой, горе грызло его дѣтское сердце. „Господи, кабы этимъ только кончилось! шепталъ онъ со слезами: кабы отецъ больше не сердился на меня!“ Между тѣмъ, въ лавку Кулибина вошелъ новый посѣтитель; хозяинъ встрѣтилъ его печальный, хмурый.

— Что, Петръ Иванычъ, такимъ сентябремъ смотришь? Боленъ что ли? спросилъ вошедшій.

— Благодарю покорно, здоровъ, да вотъ съ сыномъ бьюсь, огорчаетъ больно. Наказалъ Господь дѣтищемъ: никакого отъ него проку нѣтъ!

— Глупъ что ли, малый-то? съ участіемъ спросилъ посѣтитель.

— Нѣтъ, этого сказать нельзя, парень онъ толковый, отвѣчалъ Кулибинъ. Посылалъ я его къ нашему дьячку грамотѣ учиться, думалъ, лучше будетъ грамотный-то въ торговомъ дѣлѣ; ну, и ничего, Бога гнѣвить не могу, наука ему далась: больно скоро прошелъ онъ букварь, часовникъ и псалтырь, писать научился и на счетахъ бойко перекидываетъ. Чего, кажется, лучше! Самъ знаешь, много ли у насъ грамотныхъ изъ посадскихъ-то людей? Посадилъ я малаго въ лавку, а онъ, чѣмъ бы къ дѣлу привыкать, да отцу помогать, забьется въ уголъ и — что бы ты думалъ? какія-то игрушки дѣлаетъ! Вотъ-те и ученый сынъ! Я въ его годы не такимъ былъ помощникомъ отцу, даромъ, что грамотѣ не зналъ!

— Грѣхи, братъ! глубокомысленно замѣтилъ вошедшій, — вся бѣда, значитъ, отъ этой самой грамоты. А покажи, что за игрушки дѣлаетъ твой сынъ?

— Да стыдно и показывать-то, вѣдь не малень-

кій: мельницы дѣлаетъ, толчеи, флюгера и разныя другія штуки. Вонъ, одна на полу валяется!..

Кулибинъ поднялъ какую-то фигурку и подалъ ее купцу. Тотъ, внимательно посмотрѣвъ, на чрезвычайно искусно выточенную вещицу, воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Да знаешь ли, Петръ Иванычъ, что вѣдь это мастерская штука: какъ есть, настоящая толчея!

— Не мало ужъ я этихъ штукъ поломалъ и въ печкѣ пожогъ; все думалъ, авось, парень отучится отъ бездѣлья; да ничто не беретъ, совсѣмъ торговлей не занимается. Видно, за грѣхи Господь меня наказываетъ...

— А я вотъ что тебѣ скажу, Петръ Иванычъ: ты сына больно-то не тѣсни; можетъ ему судьба выпала не купцомъ быть. Толчею эту я ломать тебѣ не дамъ, какъ хочешь, лучше ребятишкамъ снесу, наиграются.

— Сдѣлай милость, бери, отвѣчалъ Кулибинъ: — а теперь давай о своемъ дѣлѣ потолкуемъ. И торговцы заговорили о мукѣ.

II.

Въ маленькомъ деревянномъ домикѣ Кулибина, близъ Успенской церкви, вся семья сидѣла за воскреснымъ обѣдомъ. Послѣ щей, хозяйка подала сковородку съ крупными карасями, жареными въ сме-

танѣ. Это было любимое кушанье Петра Иваныча и потому онъ сейчасъ же обратилъ вниманіе на почтенные размѣры карасей.

— Почемъ брала, мать, такихъ великановъ? ласково спросилъ онъ жену.

— Ни гроша не стоятъ, батюшка Петръ Иванычъ: Ванюша наловилъ въ нашемъ пруду.

— Шутить, что ли, вздумала глупая баба? проговорилъ хозяинъ, мгновенно мѣняя ласковый тонъ на суровый и грозный.

Развѣ онъ не зналъ, что въ зловонной, покрытой плѣсенью лужѣ, находившейся посреди запущеннаго сада, не могла водиться никакая рыба? Поэтому странно ему показалось что всегда почтенная и кроткая его жена рѣшилась подшутить надъ нимъ главой семьи.

— Не изволь гнѣваться, Петръ Иванычъ, я не шучу надъ тобой. Ты за дѣлами давно ужъ не заглядывалъ въ нашъ садикъ, а тѣмъ временемъ Ваня такъ исправилъ прудъ, что вода въ немъ теперь свѣжая и рыбы всякой много,—объясняла жена, причемъ взглядъ ея съ любовью и лаской остановился на ея первенцѣ, на миломъ Ванѣ.

— Ишь, маменькинъ сынокъ!—проворчалъ отецъ, вставая изъ-за стола. Вспышки гнѣва скоро проходили у Петра Иваныча; отдохнувъ послѣ обѣда, онъ всталъ веселый и, обращаясь къ сыну, сказалъ:

— Ну, иди, Иванъ, показывай, что ты сдѣлалъ съ прудомъ!

Каково же было его изумленіе, когда среди зелени онъ увидѣлъ зеркальную поверхность пруда, въ чистой, проточной водѣ котораго плескались любимые имъ караси! Онъ поднялся на гору, близъ пруда, и съ удивленіемъ смотрѣлъ на искусно сдѣланныя плотины, посредствомъ которыхъ пущенная въ большой бассейнъ ключевая вода протекала по каналу въ прудъ, откуда выпускалась черезъ шлюзы. Не мало труда было положено на это дѣло, и Петръ Иванычъ, какъ человѣкъ опытный, оцѣнилъ его.

— За это, Ваня, большое тебѣ спасибо, ласково сказалъ онъ сыну: ты парень съ головой. Вотъ, еслибъ такое же старанье ты приложилъ къ торговлѣ - еще было бы лучше. Спасибо, милый, за карасиковъ.

— Не на чемъ, батюшка, тихо проговорилъ Ваня, грустно опуская на грудь свою кудрявую голову.

Не лежало его сердце къ торговымъ оборотамъ, и даже теперь, когда ему минуло семнадцать лѣтъ, онъ плохо помогалъ отцу. Частыя неудовольствія со стороны отца и сознаніе своей непригодности къ торговлѣ мучили кроткую душу молодого Кулибина, но въ то-же время еще болѣе разжигали его любовь къ ученью. Онъ отводилъ душу за чтеніемъ книгъ, читалъ все, что попадалась подъ руку, такъ какъ вы-

бирать было не изъ чего, а доставать книги было чрезвычайно трудно. Ломоносовъ сдѣлался любимымъ писателемъ юноши: для него знаменитый рыбакъ представлялъ образецъ силы воли и любви къ просвѣщенію. Однажды, совершенно случайно, ему попало въ руки „Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ“. Книга эта имѣла особенный интересъ для молодого Кулибина, такъ какъ именно въ это время онъ старался постигнуть механизмъ часовъ.

Въ свободные дни онъ взбирался на соборную колокольню и по долгу просиживалъ тамъ, наблюдая за ходомъ громадныхъ часовъ и стараясь разгадать причины движенія стрѣлокъ. И вдругъ въ его рукахъ очутилась книга, изъ которой онъ могъ все это узнать! Кулибинъ съ жаромъ принялся читать „Руководство“, но книга была написана ученымъ языкомъ и онъ ничего въ ней не понялъ. Счастливый случай помогъ ему. Зайдя какъ-то къ одному изъ своихъ сосѣдей, Кулибинъ увидалъ у него въ первый разъ въ жизни стѣнные деревянные часы. Въ восторгѣ Кулибинъ, какъ вкопанный, остановился передъ ними и не спускалъ глазъ съ загадочныхъ стрѣлокъ.

— Ты что, парень, больно дивуешься, — добродушно замѣтилъ хозяинъ: аль никогда не видалъ часовъ?

— Такихъ не видывалъ. Не знаешь ли, отчего это они идутъ?

— Вона, что выдумалъ! Я, братъ, ихъ не самъ дѣлалъ.

— Кабы мнѣ разсмотрѣть ихъ да узнать.

— Хоть годъ стой передъ ними, малый, ничего не узнаешь, потому — штука нѣмецкая, мудреная. Пожалуй, чтобъ потѣшить тебя, я дамъ тебѣ ихъ домой, разглядывай, сколько хочешь.

Едва вѣря своему счастью, Иванъ Кулибинъ принесъ домой часы и засѣлъ за работу въ своей маленькой каморкѣ на чердакѣ. Сначала онъ внимательно разобралъ и снова собралъ часы, а когда изучилъ весь механизмъ ихъ, принялся дѣлать самъ точно такіе же. Не имѣя никакихъ инструментовъ, кромѣ ножа, Кулибинъ выточилъ всѣ внутреннія части часовъ и собралъ ихъ. Но, увы, часы не пошли! Однако, первая неудача не ослабила рвенія молодого Кулибина, онъ далъ себѣ слово добиться своей цѣли, во что бы то ни стало. Къ несчастью въ Нижнемъ въ то время не было ни одного часовщика, къ которому онъ могъ бы обратиться за указаніями. Судьба и на этотъ разъ помогла нашему самоучкѣ. У нижегородской ратуши было какое-то дѣло въ Москвѣ, куда слѣдовало послать кого-нибудь изъ посадскихъ людей (мѣщанъ), а такъ какъ грамотныхъ среди ихъ не оказалось, то и пришлось выбрать молодого Кулибина. Какъ счастливъ онъ былъ, что отправлялся въ городъ, гдѣ есть часовщики! Сейчасъ же по пріѣздѣ въ Москву, онъ зашелъ къ первому попав-

шемуся часовыхъ дѣлъ мастеру, чтобы поговорить съ нимъ. Это былъ добрый и умный человѣкъ, сразу смекнувшій, что изъ молодого Кулибина выйдетъ не простой часовщикъ, а искустный *механикъ* *). Онъ взялся учить его, и ученикъ блестящимъ образомъ оправдалъ труды учителя. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Кулибинъ уже зналъ совершенно, какъ дѣлать часы. На прощанье, часовщикъ подарилъ ему свои старые инструменты и пожелалъ успѣха. Возвратясь домой, молодой человѣкъ старательно починилъ изломанные инструменты и принялся дѣлать деревянные часы съ кукушкой. На этотъ разъ труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: часы шли, птица куковала на удивленіе всѣхъ посадскихъ людей, никогда не видавшихъ подобнаго чуда. Кулибинъ сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ часовъ, продалъ ихъ за хорошую цѣну, на вырученныя деньги купилъ себѣ новые инструменты, нѣсколько необходимыхъ книгъ, старые, испорченные карманные часы, и снова засѣлъ за работу.

III

Въ 1764 г., въ ясный лѣтній вечеръ, на краю обрыва за Успенской церковью, на травѣ сидѣли

*) *Механиками* называются люди, занимающіеся изобрѣтеніемъ и устройствомъ разныхъ машинъ.

два человѣка; они любовались чуднымъ видомъ, открывавшимся передъ ихъ глазами, и дружески разговаривали между собою. Одинъ изъ собесѣдниковъ былъ еще молодъ, лѣтъ 29-ти, не болѣе, средняго роста, плотный, съ круглымъ румяннымъ лицомъ, обрамленнымъ русой бородой, съ кудрявой головой; его лицо имѣло чрезвычайно пріятное выраженіе, а въ голубыхъ глазахъ свѣтился необыкновенный умъ. Другой — былъ уже пожилой человѣкъ съ сильной просѣдью въ волосахъ. Первый былъ Иванъ Кулибинъ, а второй—его хорошій знакомый, черноярскій купецъ Михаилъ Андреевичъ Костроминъ; они встрѣтились послѣ долгой разлуки, и Михаилъ Андреевичъ, горячо любившій Кулибина и искренно вѣрившій въ его талантливую натуру, очень интересовался судьбой молодого самоучки.

— Разскажи мнѣ поподробнѣе, Иванъ Петровичъ, какъ жилъ ты въ это время и что дѣлалъ?—спрашивалъ онъ Кулибина.

— Всяко жилось, Михаилъ Андреевичъ, отвѣчалъ тотъ: и хорошо, и дурно, а если посчитать, то черныхъ дней, пожалуй, наберется больше... Первое время у меня много было заказовъ, семья не терпѣла нужды: но за то некогда было заниматься своимъ образованіемъ. Что-жъ это, думалъ я, такъ весь вѣкъ и буду дѣлать деревянные часы съ кукушкой, дальше не пойду? И додумался я до того, что наука дороже для меня всѣхъ благъ земныхъ. Сталъ я отказы-

ваться отъ посторонней работы, засѣлъ за механику *), учился дѣлать металлическіе часы и пр. Первое время мы кое-какъ перебивались; но скоро семьѣ пришлось испытать горькую нужду. Жена изъ силъ выбивалась, работая; да гдѣ-жъ женщинѣ выдержать непосильный трудъ! Къ тому же расходовъ требовалось не мало: своихъ было двое дѣтей, братъ съ сестрой, сироты, да отцовскій долгъ на душѣ въ 700 рублей. Невтерпежъ становилось моей бѣдной женѣ, попрекать меня начала; подойдетъ, бывало, и говоритъ: „Пожалѣй ты семью, Иванъ Петровичъ! Неужто эти постылыя книги дороже тебѣ жены и дѣтей?“

Воспоминаніе о тяжеломъ прошломъ видимо взволновало Кулибина; онъ поднялся на ноги и закрылъ лицо руками.

— Ну, что могъ я ей отвѣтить на это? Вѣдь она не поняла бы меня! Потерпи, говорю, милая, если любишь меня хоть немного, — а самъ плачу. Тяжелые дни пережилъ я, Михайло Андреичъ!.. Голодалъ, чтобъ у семьи куска не отнимать, но душой не покривилъ, деньгамъ не кланялся. На улицу, бывало, показаться не смѣю, чтобы съ сосѣдями не встрѣчаться да совѣтовъ ихъ не слушать; а то каждый разъ натолкнешся на какого-нибудь доброжелателя, который оглянетъ мою трепаную одежду, покачаетъ головой и

*) *Механикой* называется наука объ устройствѣ машинъ.

скажетъ: „Эхъ, братъ Иванъ, лучше-бъ тебѣ торговать мукой, чѣмъ связываться съ часами. Развѣ это промыселъ? На то нѣмцы есть, а нашему брату, бородачу, такимъ дѣломъ заниматься не приходится“.

— И никто изъ нихъ не помогъ тебѣ, Иванъ Петровичъ? съ негодованіемъ спросилъ Костроминъ.

Я не просилъ у нихъ помощи...

— Это на тебя похоже!.. А ты мнѣ вотъ что отвѣть, заговорилъ Костроминъ вдругъ такъ сердито, что молодой человѣкъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него: почему ты ко мнѣ не обратился? Для себя просить не хотѣлъ — ну и ходи себѣ голодный и оборванный, если ужъ гордость обуяла, да семья-то чѣмъ виновата? Хоть бы строчку написалъ о своей нуждѣ!

Кулибинъ съ грустной улыбкой выслушалъ этотъ упрекъ своего добраго, благороднаго друга; но вслѣдъ затѣмъ, лицо его приняло выраженіе глубокаго горя.

— Можетъ быть, вы и правы, Михайло Андреичъ произнесъ онъ тихимъ голосомъ, снимая шапку и проводя дрожащей рукой по своимъ кудрямъ. Костромину стало жаль своего любимца; онъ сѣлъ опять рядомъ съ нимъ и проговорилъ уже ласково:

— Ну, да бѣда еще въ этомъ не велика. Досказывай, что потомъ было?

А потомъ, Михайло Андреичъ, скоро я достигъ такого совершенства въ часовомъ дѣлѣ, что учиться больше было нечему; тогда я опять началъ брать заказы; работы скоро набралося столько что, я

одинъ съ нею ужъ не могъ сладить и взялъ ученика. Теперь меня знаетъ весь Нижній, начиная отъ губернатора и кончая каждымъ мальчишкой на улицѣ, такъ какъ я единственный часовщикъ въ городѣ. О прежней нуждѣ и помину нѣтъ: только...

Договаривай, сдѣлай милость, Иванъ Петровичъ. а то опять поссорюсь!

Задумалъ я сдѣлать небывалые часы, Михайло Андреичъ, приготовилъ ужъ всѣ рисунки и чертежи, но приступить къ работѣ не могу, такъ какъ вещь эта дорогая, да и времени столько займетъ, что нужно опять съ заказами порѣшить.

— Покажи мнѣ свои рисунки.

Кулибинъ принесъ изъ дому, находившагося очень близко отъ мѣста ихъ бесѣды, всѣ свои чертежи и сталъ показывать ихъ своему другу и покровителю. Костроминъ былъ, по своему времени, человѣкъ образованный и понялъ изъ объясненій Кулибина, что его мудреные часы не пустая затѣя.

— Теперь вотъ что я скажу тебѣ, Иванъ Петровичъ, проговорилъ онъ, свертывая бумаги: если ты желаешь остаться моимъ другомъ и загладить обиду, нанесенную мнѣ твоей скрытностью, принимай безъ разговоровъ слѣдующія мои условія: съ завтрашняго же дня не бери больше ни одного заказа и принимайся дѣлать свои часы; все время, пока не кончишь ихъ совершенно, деньги на прожитокъ бери у меня, покупай на мой счетъ книги, инструменты, матеріалъ

и пр. Семью и ученика содержи какъ можно лучше, не скупись.

Михайло Андреичъ!.. вскричалъ Кулибинъ; но тотъ остановилъ его на первомъ словѣ.

— Позволь спросить тебя, Иванъ Петровичъ, еслибъ ты былъ такъ же богатъ, какъ я, неужели ты никому бы никогда не помогъ? Ты-то, съ твоимъ золотымъ сердцемъ? Я знаю, что даже и теперь ты не отказываешь въ помощи ближнему. Такъ вѣдь?

Вмѣсто отвѣта, Кулибинъ, со слезами на глазахъ, сбросилъ съ головы шапку, схватилъ обѣ руки Костромина и крѣпко сжалъ ихъ.

— Во всю мою жизнь я не въ состояніи буду отблагодарить тебя за твое благодѣяніе, добрый, благородный другъ! говорилъ онъ въ волненіи: во всю мою жизнь! Я могу только молить Бога, чтобъ Онъ наградилъ тебя!

— Это на что? Я доволенъ тѣмъ, что Богъ мнѣ далъ, и большаго не желаю, говорилъ шутливо Костроминъ, стараясь высвободить свои руки и не смотрѣть на растроганнаго молодого человѣка. Лучшей моей наградой будетъ слава самоучки Кулибина.

IV.

Въ скромной квартиркѣ при Петербургской Академіи Наукъ*) сидѣлъ у письменнаго стола Кулибинъ и писалъ своему бывшему ученику Пятерикову въ Нижній:

„Любезный Иванъ Ивановичъ!

Вотъ уже двѣ недѣли прошло, какъ я проводилъ изъ Питера своего друга и покровителя Михаила Андреевича, а тоска такъ и ходитъ за мной по пятамъ: очень ужъ покинутымъ и одинокимъ чувствую я себя въ столицѣ, среди сонма ученыхъ мужей Академіи. Исполняя твою просьбу, я подробно разскажу тебѣ, голубчикъ, все, что произошло со мной за это время. 27 февраля въѣхали мы съ Михаиломъ Андреевичемъ въ Петербургъ. Съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ я на роскошную столицу; какъ изумляли меня громадныя зданія, дворцы, памятники и пр. Порой мнѣ казалось, что это чудный сонъ и я протиралъ глаза; но нѣтъ, мечта всей моей юности сбылась: я въ Петербургѣ. Первые дни по пріѣздѣ я бѣгалъ, какъ угорѣлый, по городу и все осматривалъ,

---

*) Академія Наукъ—это особое ученое общество, въ члены котораго избираются самые знаменитые русскіе, а иногда и заграничные ученые, называющіеся послѣ этого *академиками*. Академія Наукъ въ Россіи только одна—въ Петербургѣ, учреждена она указомъ Императора Петра Великаго въ 1724 г., но открыта только въ 1726 г., при Императрицѣ Екатеринѣ I.

а мой добрый Михаилъ Андреичъ въ это время хлопоталъ обо мнѣ. Онъ добился разрѣшенія представиться президенту (предсѣдателю) Академіи Наукъ графу Орлову и повезъ меня съ собой, приказавъ захватить всѣ мои произведенія. Поѣхали. Всю дорогу я думалъ о томъ, какъ встрѣтитъ меня графъ; правда онъ видѣлъ меня въ 1767 году, когда пріѣзжалъ съ Императрицей въ Нижній, и былъ тогда очень милостивъ ко мнѣ; но съ тѣхъ поръ прошло уже два года; онъ навѣрное совсѣмъ забылъ о моемъ существованіи, да и что ему во мнѣ въ мужикѣ-самоучкѣ! Эти мысли не покидали меня даже и тогда, когда мы съ Михаиломъ Андреевичемъ стояли въ пріемной графа, ожидая его выхода. Но представь себѣ мое удивленіе, когда этотъ вельможа, увидавъ меня, быстро подошелъ и, ласково протягивая мнѣ руку, промолвилъ; „Добро пожаловать, Иванъ Петровичъ! Долго же ты собирался къ намъ въ Питеръ! Показывай скорѣй, что наработалъ за это время: если много, то прощаю твою медленность!“ Потомъ онъ обратился съ такими же привѣтливыми словами къ Михаилу Андреевичу. Осмотрѣвъ всѣ мои работы, графъ остался чрезвычайно доволенъ и, отпуская меня, сказалъ: „Тебѣ слѣдуетъ представиться Императрицѣ и лично поднести Ея Величеству свои произведенія. Я дамъ знать, когда можно будетъ пріѣхать во дворецъ“. — Однако ждать намъ пришлось до 1-го апрѣля. Никогда не забуду я этотъ достопамятный для меня

день! Ты знаешь, что трусомъ я никогда не былъ, но когда Михаилъ Андреевичъ объявилъ мнѣ, чтобы я собирался во дворецъ, —самъ не понимаю, что со мной сдѣлалось; дрожу, а изъ рукъ все валится. Замѣтилъ это Михаилъ Андреевичъ, да и говоритъ: „Ты чего боишься? Вѣдь прёдставлялся же Государынѣ въ Нижнемъ?“. „Я ничего не боюсь, Михаилъ Андреевичъ: самъ не понимаю, что со мной“. Сталъ онъ мнѣ, добрая душа, помогать собираться, потому видитъ, что конца нѣтъ моимъ сборамъ, Уходя, я чуть было не забылъ часы, назначенные для поднесенія Государынѣ и тѣмъ ужъ совсѣмъ его разсердилъ. „Да что, ты, въ самомъ дѣлѣ раскисъ? Ребенокъ, что ли, ты, что я, какъ нянька, за тобой хожу? Какъ же ты безъ меня здѣсь жить будешь?“ кричалъ онъ. „Не знаю“, отвѣчалъ я, — и должно быть очень былъ смѣшонъ въ эту минуту, потому что Михаилъ Андреевичъ захохоталъ и махнулъ рукой. Не стану описывать тебѣ, милый другъ, какую роскошь я видѣлъ во дворцѣ: скажу только, что пока мы ожидали Государыню въ одной изъ залъ, я съ радостью чувствовалъ, что страхъ и волненіе мои прошли. И въ ту минуту, когда въ залу вошла Императрица въ сопровожденіи Орлова и Петемкина, я былъ совершенно спокоенъ. „Очень рада васъ видѣть, Иванъ Петровичъ, милостиво обратилась ко мнѣ Государыня. Кончили вы ваши знаменитые часы?“ Я подалъ ей часы. Она внимательно ихъ разсматривала и съ удовольствіемъ слушала музыку, ко-

торую они играли. Потомъ Государыня осмотрѣла электрическую машину, микроскопъ и телескопъ моей работы и сказала: „Это первая электрическая машина, сдѣланная въ Россіи, и я горжусь тѣмъ, что она сдѣлана русскимъ *). Затѣмъ, Императрица долго говорила со мной о моей страсти къ механикѣ и къ наукѣ вообще. Я совсѣмъ оправился и смѣло отвѣчалъ на всѣ вопросы Ея Величества. Наконецъ, она обратилась къ Михаилу Андреевичу, говорила съ нимъ о хлѣбной торговлѣ по Волгѣ и, допустивъ насъ къ рукѣ, милостиво прибавила: „Благодарю васъ, г. Костроминъ, за благодарное участіе, которое вы приняли въ судьбѣ Кулибина. Я не забуду вамъ этого“. Тутъ

*) *Электрическая машина* употребляется для произведенія особой силы называемой *электричествомъ*. Силу эту всякій наблюдалъ въ природѣ, напр. — молнія и громъ; молнія происходитъ отъ того, что разныя электричества соединяются вмѣстѣ и при этомъ какъ бы вспыхиваютъ, производятъ необыкновенно сильную искру, при вспыхиваніи происходитъ оглушительный трескъ, который и называется нами *громомъ*. Электрическая машина обыкновенно состоитъ изъ большого стекляннаго круга — колеса, съ нѣкоторыми приспособленіями, укрѣпленнаго на стеклянныхъ же подставкахъ; кругъ этотъ вертятъ, причемъ онъ трется о приставленныя къ нему съ одной стороны по бокамъ мѣховыя подушки; отъ этого тренія и получается электричество, — *Микроскопъ* устраивается изъ разныхъ увеличительныхъ (обоюдовыпуклыхъ) и другихъ стеколъ для разсматриванія чрезвычайно мелкихъ предметовъ и животныхъ на близкомъ разстояніи (при этомъ онъ приставляется къ глазу); онъ можетъ увеличивать въ тысячу и болѣе разъ. — *Телескопъ* тоже устраивается изъ разныхъ стеколъ, только разсматриваютъ въ него предметы отдаленные, напр.. солнце, луну, звѣзды и проч.

ужъ я не выдержалъ: куда дѣвалась вся моя твердость! Выраженіе благодарности человѣку, которому я былъ безконечно обязанъ, но которому никогда не въ состояніи былъ отплатить за его доброту ко мнѣ, такъ глубоко тронуло меня, что слезы брызнули изъ моихъ глазъ и, забывъ всѣ преподанныя мнѣ наставленія, какъ держать себя во дворцѣ, я шепталъ въ волненіи: „Матушка моя! солнце мое красное!“ Государыня ласково взглянула на меня своими чудными глазами и, проговоривъ: „завтра вы узнаете мою волю“, — удалилась. На слѣдующій же день вышло Высочайшее повелѣніе: мои часы, электрическую машину, телескопъ и микроскопъ помѣстить и хранить въ кунсткамерѣ *), меня причислить къ Академіи наукъ въ званіи механика, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ; отдать въ мое завѣдываніе механическую мастерскую при Академіи, выдать за часы 1000 р.; такую же сумму выдать Михаилу Андреевичу, „за благородное и благодушное вспомоществованіе дарованіямъ Кулибина“, — какъ было сказано въ бумагѣ. Кромѣ того, Михаилу Андреевичу пожаловали изъ кабинета Ея Величества богатую серебряную кружку съ золотымъ портретомъ Государыни и надписью вокругъ. Да, матушка-царица

---

*) Кунсткамера или иначе музей Академіи Наукъ — это собраніе всѣхъ родовъ животныхъ, живущихъ и на сушѣ и въ водѣ, отъ самыхъ мелкихъ и до самыхъ громадныхъ, а также — разныхъ минераловъ, костюмовъ разныхъ народовъ и ихъ произведеній, древнихъ статуй, монетъ и проч., и проч.

своимъ чуткимъ женскимъ сердцемъ отгадала, что ея милость къ моему благодѣтелю будетъ и для меня высшей наградой!—Что сказать еще о себѣ, мой старый товарищъ? Работаю я много и усердно; но положеніе мое среди гордыхъ академиковъ далеко неприятное, и лишь усиленнымъ трудомъ я заглушаю горе, которое причиняютъ они мнѣ безпрестанно своими насмѣшками и презрительнымъ обращеніемъ со мной, бѣднымъ самоучкой. До сихъ поръ, другъ мой, я думалъ, что чѣмъ ученѣе человѣкъ, тѣмъ онъ лучше, а теперь вижу, что не одинъ умъ нужно развивать человѣку, но и сердце. Ну, довольно, до слѣдующаго письма; это и такъ вышло длинно. Пиши. Да хранитъ тебя Богъ!

Ив. Кулибинъ".

V.

Въ одной изъ обширныхъ залъ Академіи собрались всѣ профессора-академики, большинство которыхъ состояло изъ нѣмцевъ. Передъ однимъ изъ ученыхъ мужей лежала довольно объемистая тетрадь, перебирая листы которой, онъ говорилъ съ видимымъ раздраженіемъ:

— Слишкомъ много чести для этого нижегородскаго плотника, чтобы члены Академіи Наукъ повѣ-

ряли его бредни, которыя онъ имѣетъ дерзость называть вычисленіями. Ха, ха, ха! Вычисленіе тяжестей, написанное русскимъ мужикомъ, никогда нигдѣ не учившимся!

Удивляюсь вниманію Императрицы къ этому бородачу, презрительно замѣтилъ другой нѣмецъ: онъ самый заурядный мастеръ!

— Господа, опомнитесь, что вы говорите,—горячо воскликнулъ профессоръ Эйлеръ, въ волненіи вскакивая съ своего кресла. На его благородномъ, открытомъ лицѣ выражалось живѣйшее негодованіе, глаза сверкали. Достойно ли представителей науки отзываться такъ объ отсутствующемъ? И о какомъ человѣкѣ вы такъ говорите? О томъ, который въ теченіе семи лѣтъ одинъ работаетъ за всю Академію. Скажите по совѣсти, господа: что мы сдѣлали въ семь лѣтъ? Ничего! А вѣдь чины, награды, большое содержаніе все это получаемъ мы; онъ же живетъ въ бѣдной квартиркѣ и употребляетъ всѣ деньги, которыя порой жалуетъ ему Императрица или князь Потемкинъ, на свои ученые опыты. Посмотрите, что сдѣлалъ этотъ „плотникъ“ изъ нашей механической мастерской: прежде въ ней не умѣли починить сломаннаго инструмента, а при немъ въ огромномъ количествѣ поставляютъ новые, какъ для казенныхъ мѣстъ, такъ и по частнымъ заказамъ. Корабли, что отправлены по повелѣнію Императрицы въ кругосвѣтное плаваніе, всѣ снабжены нужными инструментами, сдѣланными руками этого „дю-

жинаго мастера“. Полюбуйтесь на его новую модель дугообразнаго моста, стоящую на дворѣ нашей Академіи: вѣдь это верхъ совершенства! О, господа! мы съ вами много, много учились, а кто изъ насъ изобрѣлъ что-нибудь подобное? И если въ Россіи „бородатые плотники“ производятъ подобныя вещи, то что же будетъ, когда въ этой странѣ появятся великіе *механики?*

Академики вскочили съ своихъ кpeceлъ и одинъ изъ нихъ почти прокричалъ, бросая Эйлеру тетрадь:

— Такъ и повѣряйте сами вычисленія вашего „великаго механика“, а мы отказываемся!

Непремѣнно просмотрю, — спокойно отвѣтилъ Эйлеръ, и отъ души желаю, чтобъ мнѣ не пришлось ихъ исправлять.

Академики удалились раздраженные, а Эйлеръ унесъ домой вычисленія Кулибина и черезъ нѣсколько дней объявилъ въ полномъ собраніи членовъ Академіи, что все нашелъ совершенно правильнымъ. 27 декабря 1776 г. было назначено испытаніе модели Кулибина. Незадолго передъ тѣмъ, академики освидѣтельствовали двѣ подобныя же модели иностранныхъ инженеровъ, и обѣ онѣ оказались неудачными. Вполнѣ увѣренные, что и отъ этой толку не будетъ, они съ насмѣшками приступили къ испытанію. Присутствіе президента (предсѣдателя) Академіи графа Орлова и Потемкина не сдерживало чувства озлобленія противъ Кулибина.

— Мы ужъ изъѣздили два моста, сказалъ одинъ, станемъ разъѣзжать по третьему!

— Этакъ Кулибинъ сдѣлаетъ намъ скоро лѣстницу на небо, со смѣхомъ замѣтилъ другой.

Кулибинъ стоялъ передъ ними въ своемъ русскомъ кафтанѣ, съ окладистой бородой; невозмутимо спокойный, онъ точно и не слышалъ насмѣшекъ. Модель представляла красивый мостъ въ 14 саженъ длины и, по разсчету, должна была поднять 2.970 пудовъ груза. Вотъ наступила минута, когда весь назначенный грузъ былъ уже положенъ на модель, а она осталась неподвижной! Лица насмѣшниковъ вытянулись.

— Кладите остальное желѣзо и кирпичъ, сказалъ Кулибинъ рабочимъ.

На модели лежало 3. 550 пудовъ, и она не шелохнулась. Тогда Кулибинъ вошелъ на средину моста и пригласилъ туда всѣхъ академиковъ. Неохотно, съ недовольными физіономіями они перешли его. Эйлеръ первый обратился къ Кулибину и, съ уваженіемъ пожимая его руку, произнесъ:

— Отъ всего сердца поздравляю васъ, г. Кулибинъ, съ успѣхомъ. Теперь вамъ остается только исполнить предсказаніе моего почтеннаго товарища и построить намъ лѣстницу на небо.

— Самъ блистательный, гордый князь Потемкинъ также пожалъ руку Кулибину и сказалъ:

— Скоро я надѣюсь поздравить тебя съ новой царской милостью.

Графъ Орловъ доложилъ государынѣ о возможности построить черезъ Неву дугообразный мостъ по модели Кулибина; но постройка эта была отложена на неопредѣленное время, такъ какъ боялись близкаго сосѣдства шведовъ. Государыня приказала выдать Кулибину 2.000 р. До сихъ поръ она все награждала его деньгами, но теперь повелѣла исключить всю семью Кулибина изъ подушнаго оклада. Чѣмъ еще наградить своего подданнаго — Императрица затруднялась, такъ какъ борода и русское платье считались въ то время признакомъ невѣжества и препятствовали полученію чиновъ и отличій. Графъ Орловъ, чрезвычайно расположенный къ Кулибину, убѣждалъ его сбрить бороду и надѣть нѣмецкое платье, но получилъ такой отвѣтъ!

— Я, ваша свѣтлость, русское платье считаю самымъ спокойнымъ и удобнымъ; почестей я не ищу и для нихъ бороды своей не сбрѣю.

Отвѣтъ этотъ былъ переданъ Государынѣ; тогда она придумала особую награду для своего любимца. 5 мая 1778 г. Кулибину приказано было явиться въ Царское Село, и здѣсь Императрица, въ присутствіи своего блестящаго двора, собственноручно возложила на него большую золотую медаль на Андреевской лентѣ, сказавъ при этомъ:

— Я всегда уважала васъ, господинъ Кулибинъ, за ваши полезные труды; но теперь еще болѣе уважаю за почтеніе къ обычаямъ предковъ, которое вы имѣете.

Повѣрьте мнѣ, что хотя вы и бороду носите, но я буду умѣть жаловать вамъ приличныя награды, вмѣсто чиновъ и титуловъ.

Медаль, пожалованная Кулибину, составляла рѣдкость, и получившій ее имѣлъ пріѣздъ ко двору, гдѣ становился на ряду съ высшими чинами.

VI.

На соломенномъ диванѣ, близъ одного изъ магазиновъ Модной Линіи, на нижегородской ярмаркѣ, сидѣлъ Костроминъ и разговаривалъ съ владѣльцемъ этого магазина, толстымъ, важнымъ купцомъ.

— Давно ужъ не посѣщали вы нашу ярмарку, Михаилъ Андреевичъ, — говорилъ тотъ.

— И въ этомъ году я прислалъ бы повѣреннаго, если-бъ не важныя дѣла, которыя требуютъ моего личнаго присутствія въ Нижнемъ. Для этого то я и торопился пріѣхать къ началу ярмарки изъ столицы.

— Такъ вы изъ Питера? Не знаете ли чего о нашемъ землякѣ Кулибинѣ?

— Какъ не знать! — весело сказалъ Костроминъ. Вѣдь мы съ нимъ большіе пріятели: я всегда у него и останавливаюсь, когда бываю въ Петербургѣ. Въ гору идетъ вашъ Кулибинъ, Василій Васильичъ; не-

давно Вольное Экономическое Общество избрало его своимъ членомъ, а Императрица увеличила ему жалованье до 1.200 р. Правда, и есть за что его поощрять, столько онъ полезнаго сдѣлалъ, что и не передать всего. Я разскажу вамъ только о нѣкоторыхъ его изобрѣтеніяхъ. У меня есть фонарь, изобрѣтенный Кулибинымъ, свѣтъ его виденъ за 30 верстъ. Въ настоящее время его фонари употребляются на маякахъ, корабляхъ и т. п. На петербургскомъ стеклянномъ заводѣ онъ устроилъ новыя машины для переноски расплавленнаго стекла, что дало возможность отливать зеркальныя стекла такой величины, о которой прежде и помыслить не смѣли.

— Ай да молодецъ нашъ Кулибинъ! — въ восторгѣ вскричалъ купецъ.

— Въ дѣлѣ, онъ дѣйствительно, молодецъ — подтвердилъ Костроминъ. — Одно только мнѣ въ немъ не нравится: его безпечность русская. Постоянно я ему твержу, что много онъ изъ-за нея проигрываетъ, а онъ, во время моихъ нравоученій, смотритъ на меня самыми беззаботными глазами да посмѣивается себѣ въ бороду. „Мнѣ, говоритъ, Михайло Андреичъ, все равно, я или другой кто полезное дѣло дѣлаетъ, лишь бы оно было сдѣлано". Судите сами: устроилъ онъ телѣжку — самокатку, въ родѣ коляски, въ которой свободно могутъ сидѣть два человѣка. Вмѣсто того, чтобы скорѣе представить въ Академію свое

новое изобрѣтеніе и получить на него привилегію *), онъ катался себѣ по всему Питеру въ своей „самокаткѣ“, на удивленіе народу, а тѣмъ временемъ, въ газетахъ объявили, что во Франціи появились такія же самокатки. Кулибинъ отступился, не сталъ и оспаривать у другого механика славу изобрѣтенія. Боюсь, чтобъ тоже не случилось и съ его послѣднимъ изобрѣтеніемъ—искуственной ногой, которую онъ сдѣлалъ для одного безногаго офицера.

— Скажите, пожалуйста, до чего дошелъ! изумился купецъ.—И хорошо сдѣлалъ онъ эту ногу?

- Да такъ, батенька, хорошо — заговорилъ съ одушевленіемъ Костроминъ, что узнать нельзя, которая нога искусственная; она у него сгибается и разгибается какъ природная. Но больше всего онъ работалъ надъ устройствомъ самоходнаго судна. Насмотрѣлся здѣсь, на Волгѣ, на несчастныхъ бурлаковъ и поставилъ себѣ цѣлью — облегчить ихъ тяжелый трудъ. Мнѣ разсказывали, что въ Питерѣ былъ точно большой праздникъ въ тотъ день, когда было назначено испытаніе его „самоходнаго судна“. Массы народа покрывали берега Невы, и когда судно, нагруженное четырьмя тысячами пудовъ, ходко пошло противъ сильнѣйшаго вѣтра, безъ парусовъ и безъ веселъ, громкое „ура“

*) Т. е. право дѣлать изобрѣтенныя имъ вещи только ему одному; никто другой послѣ этого уже не можетъ дѣлать и пускать въ продажу такихъ вещей.

грянуло въ привѣтъ Кулибину. Сама Императрица смотрѣла изъ окна дворца и махала ему платкомъ, Она повелѣла выдать Ивану Петровичу 5.000 р. и тотчасъ же приспособить судно къ волжскому судоходству; а онъ сталъ просить повременить: нужно, дескать, что-то усовершенствовать въ машинѣ. Сколько я его ни убѣждалъ пустить судно въ ходъ въ томъ видѣ, какъ оно есть не слушаетъ, твердитъ свое, что его слѣдуетъ усовершенствовать. Того и жду, что гдѣ-нибудь появятся такія же суда и опять отобьютъ привилегію у Кулибина, а это тѣмъ легче, что въ нашей Академіи у него мало друзей и при всемъ его горячемъ желаніи принести какъ можно больше пользы родинѣ, онъ не въ состояніи свободно трудиться, такъ какъ академики тѣснятъ каждое его дѣло.

— Отъ зависти, навѣрно, пояснилъ Василій Васильевичъ: очень ужъ эти ученые нѣмцы мужика русскаго не любятъ. А какъ относятся съ Ивану Петровичу Государыня и вельможи?

— Про матушку — Императрицу и говорить нечего! Она къ нему очень милостива и разъ навсегда приказала ему являться на всѣ придворные праздники. Не говорю ужъ о нашихъ вельможахъ: Кулибина лично знаютъ австрійскій императоръ Іосифъ II и шведскій король Густавъ IV. Оба они съ нимъ разговаривали и смотрѣли его произведенія.

— Поди, чай, въ нѣмецкое платье нарядился? —

спросилъ нѣсколько насмѣшливо Василій Васильевичъ.

— Такого человѣка, какъ Иванъ Петровичъ, не нарядишь, если онъ этого не захочетъ, — отвѣчалъ Костроминъ; до сихъ поръ все мужикомъ ходитъ, съ бородой и въ кафтанѣ. Много теряетъ онъ изъ-за своего упорства, много насмѣшекъ переноситъ, но стоитъ на своемъ. Настоящіе-то люди, несмотря и на бороду, оказываютъ ему уваженіе. Разъ съ нимъ былъ такой случай. Пришелъ Иванъ Петровичъ къ Потемкину въ то время, когда у него была въ сборѣ вся знать и въ томъ числѣ графъ Суворовъ. Кулибина отодвинули къ самымъ дверямъ, насмѣшливо его оглядывали и дѣлали на его счетъ разныя колкія замѣчанія на французскомъ языкѣ, — вѣдь онъ по-французски не понимаетъ. Никто изъ этихъ нарядныхъ царедворцевъ не замѣтилъ, что за ними слѣдятъ съ другого конца залы большіе, сердитые глаза Суворова. Вдругъ, тотъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, отвѣсивъ поклонъ, сказалъ: „Вашей милости!“ Всѣ обратили на это вниманіе. Кому кланяется Суворовъ? Пройдя еще немного, онъ произнесъ: „Вашей чести!“ — Затѣмъ, подойдя уже къ Ивану Петровичу, онъ поклонился ему низехонько, со словами: „Вашей мудрости мое почтеніе!“ взялъ его за обѣ руки и, окинувъ все собраніе выразительнымъ взглядомъ, громко проговорилъ: „Помилуй Богъ! много ума! Онъ намъ изобрѣтетъ коверъ-самолетъ!“ —

На насмѣшки Иванъ Петровичъ, обыкновенно, отвѣчаетъ или презрѣніемъ, или такъ мѣтко, что у остряка пропадаетъ охота смѣяться надъ нимъ. Одинъ молодой франтъ сказалъ ему разъ въ большомъ обществѣ: „Одолжите мнѣ ваше платье для маскарада, г. Кулибинъ“. „Съ удовольствіемъ, спокойно, но съ достоинствомъ отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, поглаживая свою сѣдую бороду: только сначала доживите до моихъ лѣтъ“. Такъ онъ сконфузилъ франтика этимъ отвѣтомъ, что тотъ сейчасъ же уѣхалъ съ вечера. А то однажды на публичномъ гуляньѣ въ Лѣтнемъ саду какой-то насмѣшникъ подходитъ къ Ивану Петровичу подъ благословеніе, какъ къ священнику. „Не моя недѣля“, отвѣтилъ онъ ему громкимъ голосомъ.

— Ха, ха, ха! въ восторгѣ смѣялся Василій Васильевичъ: вѣдь какъ ловко отвѣчаетъ! Вотъ еще что скажите мнѣ, Михайло Андреичъ: богатъ Кулибинъ? Говорятъ, Императрица много ему жалуетъ?

Что это вы выдумали, возразилъ Костроминъ: да онъ вѣчно въ долгахъ, и долги эти за него платятъ то Императрица, то Потемкинъ, то Орловъ. Всему Петербургу извѣстно, что жизнь онъ ведетъ примѣрную, никакого вина не пьетъ, въ карты не играетъ, живетъ съ своей семьей такъ скромно, какъ только можно, а должаетъ потому, что на производство опытовъ и устройство моделей много нужно. Насмотрѣлся я на него во время послѣдняго моего

пріѣзда въ столицу. Работы у него было много и онъ проиводилъ ее съ помощью вольнонаемныхъ рабочихъ. Любятъ его эти люди до страсти, потому что онъ относится къ нимъ какъ къ равнымъ, какъ къ своимъ помощникамъ, входитъ во всѣ ихъ нужды. Иному самъ даетъ денегъ впередъ, зная, вѣроятно, что тотъ нуждается. „Я не заслужилъ еще, Иванъ Петровичъ", скажетъ рабочій. „Это не бѣда„, кротко отвѣтитъ онъ, „впередъ заслужишь; работы еще много". Сколько онъ добра дѣлаетъ, помогая деньгами, совѣтомъ, своимъ вліяніемъ. Нѣтъ человѣка, который, обратясь къ нему, ушелъ бы безъ помощи. Случается, что до самой Императрицы доходитъ, когда нужно просить за кого-нибудь. Знаете, Василій Васильичъ, сердце радуется, какъ подумаешь, что я не ошибся въ этомъ человѣкѣ. Дни, которые я провожу въ этой благословенной семьѣ, самые пріятные въ моей жизни: здѣсь вѣчный миръ и спокойствіе. Кружокъ его знакомыхъ составляютъ все честные, работящіе люди: самъ хозяинъ всегда веселъ, гостепріименъ и большой хлѣбосолъ, такъ что скромная квартирка Кулибина посѣщается съ удовольствіемъ. У него устраиваются иногда превеселые вечера, особенно потому, что самъ онъ играетъ на гусляхъ и на фортепіано и хорошо поетъ своимъ чистымъ теноромъ. Онъ очень любитъ музыку и театръ. Ну, довольны вы теперь? Видите, сколько я поразсказалъ вамъ о своемъ любимцѣ! Когда-то я его опять увижу, и увижу-ли еще —

Богъ вѣсть! Старъ я становлюсь, слабъ,— а Петербургъ не близко.

Костроминъ тяжело поднялся съ дивана, опираясь на палку.

— Хорошій человѣкъ вашъ любимецъ, проговорилъ Василій Васильевичъ. Спасибо вамъ, Михайло Андреичъ, что разсказали про земляка.

VII.

Надъ Нижнимъ стояло зарево: былъ сильный пожаръ близъ Успенской церкви. Всѣ старанія остановить огонь не имѣли успѣха, тѣмъ, болѣе, что ему давали обильную пищу ветхія деревянныя жилища бѣдняковъ. Эти покривившіяся и черныя отъ времени домишки исчезали съ невѣроятной быстротой, оставляя на землѣ лишь небольшую кучку мусора. Возможно ли было спасти домъ Кулибина, который ничѣмъ не отличался отъ только-что сгорѣвшихъ лачужекъ? Его плачущая многочисленая семья вышла на улицу, неся кой-какія вещи; въ рукахъ у Ивана Петровича были только бумаги. Онъ старался успокоить жену и дѣтей, а самъ все время думалъ о своихъ инструментахъ. „Спаси, голубчикъ, мои инструменты“, успѣлъ онъ шепнуть Пятерикову. Тотъ сейчасъ же бросился въ горѣвшій домъ, при помощи нѣсколькихъ чѣловѣкъ вынесъ оттуда всѣ инструменты и положилъ ихъ къ ногамъ своего дорогого учителя. Больше

этого ужъ ничего нельзя было спасти: домикъ рухнулъ! Тогда всѣ взоры со страхомъ обратились на прекрасный, большой, только-что отстроенный домъ, находившійся рядомъ съ сгорѣвшимъ: огонь уже лизнулъ его блестящую стѣну.

— Православные! раздался громкій, слегка дрогнувшій голосъ. Толпа оглянулась и сняла шапки. Восьмидесятилѣтній старикъ, котораго всѣ глубоко уважали и любили, стоялъ съ непокрытой головой; огонь пожара освѣщалъ его бѣлую, какъ снѣгъ бороду.—Православные! спасите мое послѣднее достояніе. Старъ я, ничего мнѣ не надо, семью жаль, безъ угла останется!

— Не проси, Иванъ Петровичъ! все сдѣлаемъ, чтобъ отстоять твой домъ!

Но что могли сдѣлать эти добрые люди противъ всесокрушающей силы огня и вѣтра, безъ необходимыхъ инструментовъ? О пожарной командѣ нечего и говорить: она была въ то время въ самомъ жалкомъ состояніи. Черезъ часъ на мѣстѣ красиваго новаго дома дымилась безобразная груда развалинъ. Слабое пламя освѣщало фигуру старика, въ изнеможеніи опустившагося на полуобгорѣвшее бревно.

— Вы измучились, Иванъ Петровичъ, говорилъ Пятериковъ, ни на минуту не оставлявшій семью Кулибина: вамъ необходимо отдохнуть, да и всѣмъ вашимъ; пойдемте ко мнѣ.

— Спасибо, Иванъ Иванычъ, уведи жену и

дѣтей, успокой ихъ, голубчикъ, а меня пока оставь здѣсь; я приду черезъ часъ.

Пятериковъ неохотно покинулъ своего учителя. „Боится за меня добрый человѣкъ, думалъ Кулибинъ, съ грустной улыбкой смотря ему вслѣдъ: точно не знаетъ моей выносливости!“ Низко склонилась его сѣдая голова, горькія думы овладѣли имъ. Онъ перенесъ на своемъ вѣку не мало испытаній; но самыя тяжелыя выпали на его долю въ родномъ городѣ, куда онъ пріѣхалъ, чтобъ отдохнуть немного послѣ долгой трудовой жизни и умереть среди земляковъ, которые хотя и приняли его сначала за колдуна (онъ улыбнулся при этомъ воспоминаніи), но скоро искренно полюбили. Вѣдь петербургскіе враги, а не эти простые люди устроили такъ, что любимѣйшее и полезнѣйшее изъ его изобрѣтеній—„самоходное судно“ продано съ публичнаго торга *на дрова*! Старикъ вздрогнулъ и крупная слеза скатилась на его бѣлую бороду. Что значитъ этотъ пожаръ въ сравненіи съ тѣмъ горемъ! Еслибъ онъ зналъ, что оставляетъ семью съ кускомъ хлѣба, онъ не грустилъ бы о потерѣ домовъ. Народъ въ восторгѣ кидалъ шапки вверхъ и кричалъ ура, когда его „самоходное судно“ плыло по Волгѣ; не его вина, что приняты французскія коноводныя машины, неудобныя и дорогія. А какъ обидѣлись ученые нѣмцы, что искуственную ногу сдѣлалъ самоучка! Они не могли простить ему этого, разсматривали его изобрѣтеніе, спорили о немъ, пи-

сали нѣсколько лѣтъ разсужденія. Пока это дѣло тянулось, французкій механикъ привезъ искусственную ногу въ Парижъ и представилъ Наполеону I, какъ свое произведеніе. Мнимый изобрѣтатель прославился и разбогатѣлъ“.

Въ эту минуту сзади раздался ласковый голосъ:

— Вы простудитесь, Иванъ Петровичъ, утро сырое и холодное; стаканъ горячаго чая подкрѣпитъ васъ. Жена ваша безпокоится о васъ; пойдемте домой.

— Домой? У меня больше нѣтъ дома! Пришлось на старости лѣтъ преклонить голову въ чужомъ углу... Ну, ну, не буду! знаю, что ты добрый, хорошій человѣкъ, идемъ.

Онъ съ трудомъ поднялся, опираясь на руку Пятерикова, который со слезами на глазахъ смотрѣлъ, какъ этотъ, еще вчера бодрый, старикъ едва передвигалъ ноги. Пятериковъ старался окружить многочисленную семью своего учителя возможными удобствами, что, при его скудныхъ средствахъ, было не легко исполнить. Кулибинъ скоро переѣхалъ отъ него къ своему родственнику, но не успокоился до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣлъ „свой уголъ“. Это была чуть не хижина съ маленькимъ садикомъ, тѣсная, сырая и холодная. Она въ конецъ разстроила здоровье Кулибина, такъ что послѣдней три года своей жизни онъ провелъ въ постели. Но и лежа, онъ продолжалъ заниматься черченіемъ и вычисленіемъ, торо-

пясь окончить проектъ „желѣзнаго постояннаго мос
черезъ Неву.

Смерть помѣшала ему окончить этотъ трудъ

30 іюня 1818 года Кулибина не стало.
домѣ не было ни копѣйки, и жена Ивана Петрови
обливаясь слезами, пошла заложить часы его рабо
Друзья покойнаго, съ Пятериковымъ во главѣ, вз
на себя всѣ хлопоты и расходы по похорона
4 іюля густыя толпы народа шли по направленію
хижинѣ Кулибина. У дверей полуразвалившагося
мика стояли ученики нижегородской гимназіи, съ
ректоромъ и учителями. Именитое купечество Н
няго несло все время на своихъ плечахъ гробъ ус
шаго гражданина. Старшему учителю поручено бы
нести на подушкѣ золотую медаль покойнаго. Но
толпы присоединялись по дорогѣ: каждый жела
проводить Кулибина до могилы. Яркіе лучи лѣтн
солнца освѣщали эту картину, придавая живой от
нокъ спокойному, исхудалому лицу умершаго, бѣ
волосы и борода котораго блестѣли, какъ сере
Пятериковъ не сводилъ глазъ съ этого крот
лица; онъ больше никогда не увидитъ человѣка
которому питалъ благоговѣйную любовь! „О, мой
тель! шепталъ онъ, отирая слезы, вотъ твоя на
весь Нижній идетъ за твоимъ гробомъ, а добрая
мять о тебѣ будетъ жить вѣчно!“

Е. Александрова (Ек. Альмедингенъ).